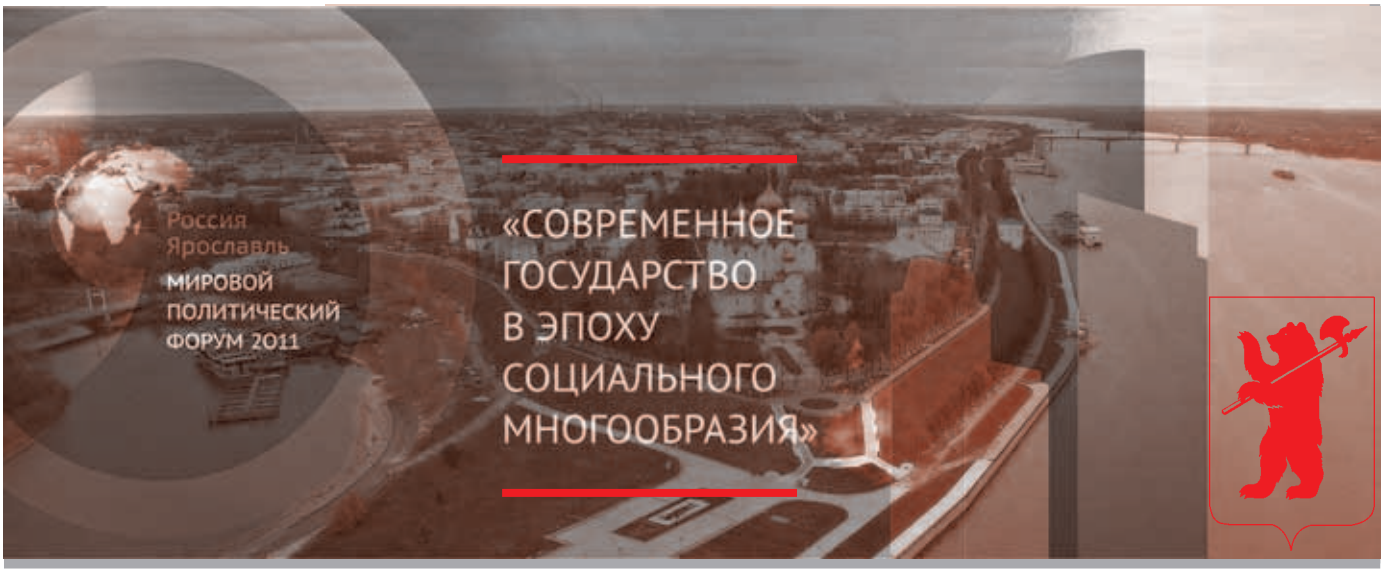

Ярославские дискурсы: конкретно о глобальном

Одно из знаменательных политических событий минувшей осени – Мировой политический форум «Современное государство в эпоху социального многообразия». Как и два предыдущих – 2009 и 2010 гг., – он также был организован Институтом современного развития (ИНСОР), Институтом общественного проектирования и Ярославским государственным университетом им. П.Г. Демидова. В работе Форума принимали участие ученые Президентской академии.

Известные политологи, политики, государственные и общественные деятели пытались найти ответы на острые вопросы современности: как добиться справедливости в распределении мировых благ между богатыми и бедными? Какую роль должны играть демократические институты в полиэтнических обществах? Как и какими средствами утвердить приоритет глобальной безопасности в мировой повестке дня?

О том, насколько замысел удался, главный редактор журнала «Государственная служба» доктор политических наук А.В. Шевченко беседует с коллегой из Карлтонского университета, директором Центра государственной политики (Канада), членом попечительского Совета клуба «Валдай», научным руководителем МИГСУ РАНХиГС Петром ДУТКЕВИЧЕМ.

– Господин Дуткевич, Вы участвовали в двух предыдущих форумах в России. Удалось ли закрепить за Ярославлем статус мировой дискуссионной площадки?

– Да, мне очень нравится этот особенно русский город. Когда здесь решили проводить международные встречи, чтобы дискутировать на глобальные темы в контексте их восприятия Россией, то поступили правильно. Тут можно почувствовать дух страны, понять, почему она заинтересована в решении тех или других мировых проблем. На всех трех политических форумах была попытка соединить вопросы глобального типа с внешними проблемами для России и увязать их с внутренними процессами. Думаю, что опыт был удачным, полезным для понимания позиций вашего государства в мировом пространстве. Не так много стран, которые думают категориями такого типа, как организаторы ярославского форума.

В этом году форум сосредоточился на трех основных проблемах: поликультурности, внешней безопасности, нестабильности международной мировой системы и бедности и социального равенства. Эти

вопросы определила социальная реальность, с которой мы встречаемся. Но у нее такой характер, что осмысление вновь и вновь возникающих явлений не успевает за их трансформацией.

Но независимо от того, что на третий форум были приглашены ведущие российские и международные специалисты, новых идей было представлено немного, и они носят в основном волевой характер. Это значит, что мы хотели бы, чтобы у нас была чистая экология, чтобы государство выполняло все свои функции по отношению к обществу. Но вопрос, как это сделать, остался вне рамок дискуссии. Было довольно много политических заявлений, но мало жизненной конкретики.

– А почему такой результат? Подобная ситуация складывается на многих мировых дискуссионных площадках. Может быть, формат публичного политического дискурса исчерпал свой ресурс? Складывается впечатление, будто интеллектуальная среда перестала продуцировать идеи, способные заинтересовать и управляющую элиту. А с другой стороны, предложения, нарабатываемые интеллектуалами на открытых площадках, не востребованы крупными фигурами, которые реально определяют политическую атмосферу в мире. Продуктивное поле публичного дискурса объективно сужается, хотя «говорения по поводу» меньше не становится…

– Вы совершенно правы – характер коммуникаций существенно изменился. Привычной интеллектуальной надстройки уже не хватает для того, чтобы разрабатывать новые подходы к организации жизненных процессов. Новые подходы рождаются только в столкновении между идеями и прикладной частью, то есть их исполнением. А в традиционной форме академических обсуждений даже внешне привлекательные рассуждения остаются на уровне пожеланий.

Новые идеи могут принести новые люди, реально участвующие в тех процессах, которые мы обсуждаем. На ярославском форуме явно не хватало представителей двух групп – частного сектора и неправительственных организаций. Ведь проблема государства – это проблема налогов, проблема индустриализации и т. д. И для полноты дискуссии мне, например, недоставало способов мышления думающих людей, решающих проблемы частного сектора. То же касается и представителей неправительственных организаций, которые занимаются проблемами миграции, обеспечения граждан сервисом и условиями. Вот этих двух компонентов, оппонирующих прогосударственным позициям, часто звучащим с трибуны, не хватало.

– Ну и, конечно, нужно придавать обсуждению характер диалога. Ведь дискуссии, в общем-то, не получилось…

– Да, на заседаниях секций ее фактически не было. Но была на «круглых столах»! Мы убедились, что поле интернационализации идеи не исчезло. Большой кризис 2007-2008 гг. нам показал, что выход из него должен быть глобальный, хотя происходила национализация решений. Необходимо было ее проявить в публичном формате, столкнуть национальные подходы, которые сильно различаются с подходом глобальным. Таким образом коллективный ум обогащается и начинается очень интересный, мировой дискурс.

– На производство таких идей нацелены и выступления лидеров государств, присутствующих на мировых форумах. В нынешнем году в Ярославле мы услышали речи российского президента и премьер-министра Турции, а также нескольких бывших глав государств и правительств. Какие из этих выступлений Вы бы отнесли к порождающим мировой дискурс?

– В выступлении Дмитрия Медведева мне кажется существенным утверждение о хрупкости мировой политической системы и призыв к общественности и правящей элите вырабатывать механизмы быстрого реагирования на возникающие угрозы. Локальная проблема, созревшая где-то далеко от нас, резонансом отзывается на нашей внутренней политике и экономике в течение пяти минут. Это означает, что гибкость реагирования мировых лидеров нужно ускорить, и такие механизмы между ними должны существовать не только во время проведения «восьмерки» и «двадцатки». Это очень важное утверждение.

– Да, в устах российского президента, проводящего идею коллективной безопасности, эта мысль – один из важных компонентов формирования системы ее обеспечения.

– Второй момент – озабоченность тем, что по разным причинам в разных странах конкретные социальные группы не видят своего будущего в новом посткризисном мировом порядке. Отсутствие будущего – причина социальных взрывов, которые могут вспыхнуть на религиозной, социальной, политической основе. Это означает, что в каждой стране должно быть смягчение этих конфликтов. Последние десять лет показали, что силовые решения глобальных проблем катастрофически неудачны.

И еще один фрагмент из речи Дмитрия Медведева важен для общественного мнения – решение проблемы многокультурности. Как сделать, чтобы те, кто чувствуют себя чужими в наших странах, получили смысл существования как часть единого общества? Имели те же самые права, входили в более глубокий интеграционный процесс, одновременно получая за это не только пособия и возможность работать, но и политические возможности репрезентации своих интересов? Ответы на эти вопросы ищут руководители многих государств и Европы, и Америки, и Африки. Проблема миграции глобальная, и очень важно, что она находится в гуманитарном поле дискурса на

высшем уровне организации международных отношений.

– А разве не вызовет новую волну споров о роли государства в современном мире утверждение российского лидера о том, что сложным процессам должно быть сопоставлено сложное государство? Это же новый угол во взгляде на его качественные характеристики, а не рассуждения о том, много или мало государства должно быть в грядущих временах.

– С моей точки зрения, единственное, каким должно быть государство, – оно должно быть эффективным. А эффективность отвечает на социальные и экономические задачи данного времени. Форма же может меняться, как и функции, – сужаться, расширяться в зависимости от вызовов, с которыми мы встречаемся.

Например – парадоксально! – последний экономический кризис показал, что, с одной стороны, обрушились определенные идеи, такие как неолиберализм, с другой стороны, реально возросла роль государства. Она возросла потому, что частный сектор оказался не способным реагировать на социальные проблемы, поэтому роль государства возросла. Это отнюдь не показатель того, что она будет такой же высокой через 5-10 лет. Но государство должно реагировать довольно быстро на текущие события, поэтому уму нужно быть высокоорганизованным. Дмитрий Медведев в своем докладе на форуме зафиксировал эту позицию как следствие современных макропроцессов и условие социоэкономического развития стран мира.

– Пётр, Вы признанный специалист по России, к Вашему мнению прислушиваются наши лидеры. Какие задачи наиболее важны для качественного изменения нашего государства, его усложнения?

– Ваши качественные изменения должны соответствовать новым вызовам и задачам развития, и прежде всего – реиндустриализации, о которой говорят председатель правительства и президент. Но имея в огромном количестве бюрократию, которая сильна и деструктивна, сделать государство более эффективным чрезвычайно трудно. Поэтому вашему руководству очень нужна помощь общественности, к которой в первую очередь обращена речь Дмитрия Медведева.

– Как с позиций усиления государства Вы оцениваете выступление премьер-министра Турции господина Гюля? На «круглых столах» прозвучала мысль об активизации имперского движения в мировом масштабе. И Турция поддерживает такой акцент в трактовке политической глобализации.

– Эта идея, как ни странно, очень привлекательна. Системное раздробление политических единиц, как мы видим, приводит к разного типа конфликтам. Поэтому нужно собрать в кучку маленькие государства, и тогда новая мировая система будет иметь дело с несколькими большими единицами, которым между собой легче договориться, чем говорить с сотней разных единиц. Идея интеллектуально заманчивая, но эмпирически неверная, потому что как обратный процесс глобализации мы видим новую регионализацию.

Как ни парадоксально, но глобализационные проекты приводят к еще большему дроблению. Однако просто так «собрать кучу», то, что уже разошлось и самоопределилось с помощью старых механизмов и инструментов, уже невозможно. Каждая империя формировалась в процессе захвата территорий: российская империя, турецкая империя, американская империя и т. д. Новые империи, как постмодернистские системы, формируются с помощью коммуникации, глобальной сети, и будут выглядеть как глобальные деревни.

Попытки воспроизвести идеи девятнадцатого века в двадцать первом столетии ни к чему прогрессивному не приведут. Нужны идеи двадцать первого века, которые мы должны использовать в двадцать втором столетии. На мой взгляд, это сила регионального влияния. Сильнейшие регионы будут шаг за шагом сменять более слабые регионы. Но этот процесс может эффективно развиваться внутри больших стран, а не только в межгосударственных отношениях, то есть центры и периферии будут появляться внутри данных стран. Поэтому еще более сложно говорить об империях.

– Збигнев Бжезинский предложил Ярославлю быть источником новой универсальной политической культуры, обеспечивающей глобальное сотрудничество «от Ванкувера до Владивостока». Вы отнесете эту идею к долгоживущим, с перспективой если не на века, то на десятилетия?

– Я был разочарован его выступлением. В самом начале речи господин Бжезинский заявил о том, что с его стороны будут конкретные предложения. Однако он упомянул только о создании Совета мудрецов для разработки концепции глобального сотрудничества. Но такие советы уже есть. Я не вижу принципиального различия между тем, что предложил Бжезинский, и тем, что уже функционирует на европейском и евроазиатском континентах.

Во-вторых, общая, или глобальная, политическая культура также уже разрабатывается многие годы в рамках различных международных организаций («восьмерка», «двадцатка», региональные организации). Мы наблюдаем и столкновение разных политических культур в рамках региональных и межрегиональных организаций. Просто можно было бы подумать о том, как этот опыт перенять.

Кстати, такая попытка есть. На Международном форуме «Диалог цивилизаций» будет организована одна из секций на эту тему: как разные национальные культуры влияют на функционирование региональ-

ных и межрегиональных организаций и международного права. Об этом и говорит Бжезинский. И поэтому его «инициатива» хоть и зазвучала громко, но я не вижу в ней никакой новизны.

– Пётр, как, по Вашему мнению, должны вслед за государством изменяться институты государственной службы? Или их нужно консервировать, дабы обеспечить устойчивость системы управления?

– В профессиональной организации государственной службы ключевое значение имеет гибкость структуры, чтобы руководители давали четкие поручения по вертикали управления, а подчиненные так же четко их исполняли. Если это есть, тогда мы имеем хорошую почву для функционирования государственной системы. На эту почву накладывается реальная жизнь. И тут мы сталкиваемся с большой проблемой – инерцией всех государственных структур, которые не отвечают на многие социальные вызовы.

Например, они не очень быстро реагируют на проблемы миграции, проблемы национальных меньшинств, здравоохранения, на новые вызовы в образовании и т. д. Но это естественный процесс, наблюдаемый не только в России, – это проблемы каждой бюрократизированной системы.

Конечно, есть национальные особенности. Сравним, например, организацию нашей, канадской государственной службы с российской. Территорией Канада похожа на Россию. Бюджет государства больше российского почти в три раза. А бюрократов в десять раз меньше. Выводы очевидны: нужно поменять принципы и механизмы оценки эффективности работы государственных чиновников.

– Вы же знаете, что реформирование государственной службы в России идет без малого десятилетие, но при многих изменениях основные бюрократические болезни так и не преодолены. Заметны ли перемены Вашему экспертному глазу?

– Очень сложно со стороны оценивать такое огромное государство с точки зрения государственных реформ. Я думаю, что России, как новому молодому государству, необходимо учитывать всю критику, которая идет извне. Я считаю оправданной централизацию власти президентом в период, когда стране грозил распад. И реформа государственных структур была направлена на сохранение стабильности и единства страны.

Сейчас стоят иные задачи, например, формирование структур органов местной власти, эта работа еще не доведена до конца. Так же важно улучшать партнерские отношения государства и частного бизнеса. В российской прессе о частном бизнесе пишут преимущественно как о тех, кто ворует, обманывает, нечестным путем зарабатывает деньги. Мне кажется, что проблема отношений между государством и частным сектором на повестке дня должна стать гораздо выше, чем она обозначена сегодня. Может, частный сектор потому и нелегитимный в России, что он в первые годы постсоветской России создавался нелегитимным путем, и этот имидж остается. Нужно что-то с этим делать.

В целом сделать частный сектор более эффективным для России – основная задача государства. Частный сектор для бюрократии должен быть самым близким союзником в решении социальных проблем и экономических задач.

Проблема коррупции – это мировое явление. Проблема – в системности коррупции, где она уже переходит не на количественный, а на качественный уровень. Без ее разрешения реформа государственной службы невозможна. Также невозможно решение крупных проблем без регуляции собственности. Это все связано. Реформа же бюрократии невозможна без реформы политической системы, без экономических реформ. Потому что бюрократия во многом отражает культуру политической надстройки и функционирование частного сектора.

Пока мы это не поменяем, реальные глубокие реформы государственной службы практически невозможны, потому что экономика связана с политикой. А бюрократия связана и с политикой и с экономикой. Пока же мы думаем о бюрократии как о чем-то абстрактно связанном с государством.

– Пётр, Вы носите звание почетного доктора Российской Президентской академии, а недавно приняли на себя обязанности научного руководителя одного из ее международных институтов – МИГСУ. С какими идеями приступаете к работе?

– Жизнь покажет, она будет хорошим арбитром того, что я сейчас скажу. С Международным институтом государственной службы и управления я хорошо знаком уже много лет. Это очень хорошая площадка для показа двустороннего международного опыта. Этот обмен не должен быть односторонним движением. В России можно очень многому научиться зарубежным партнерам. Нужно только придерживаться основного принципа таких отношений: те, кто приезжают в институт, должны передать столько своих мыслей, сколько они возьмут от своих российских коллег. Ведь партнерство может быть только между равными.

Необходимо создать систему двойных дипломов, чтобы российские студенты могли получать два диплома одновременно: например, российский и французский, немецкий и российский. Это экспорт российских мыслей на запад, в Европу. Есть еще мысли о том, как сделать Россию мостом между Западом и Востоком. Это тоже интересная идея для МИГСУ.

– Господин Дуткевич, от имени читателей нашего журнала, членом редакционного совета которого Вы состоите уже несколько лет, спасибо Вам за беседу.